***

Удивительно пахнет дождем —
воздух соткан из влаги и воли,
жадно дышишь и веришь с трудом,
что сугробы мы перебороли.
А зима бесконечной была,
опостылело это убранство —
как посмертная маска бела
затвердевшая корка пространства.
Девять месяцев — гипсовый гнет,
воздух в струнку, деревья ни шагу,
и казалось, что кончится год
и земля под снегами умрет,
не всосав животворную влагу.
А теперь — до ростка, до комка
глинозема — все дышит весною,
и течет, как ночная река,
в отраженьях асфальт подо мною.
И безумный, казенный, любимый
город, вырванный из-подо льда,
и машины, летящие мимо,
одуревши, не зная куда,
в гром, в жару, где сирени в пыли, —
все омыто прозрачной водою,
все омыто водой молодою,
властным запахом мокрой земли.

1976 г.

***

Земля моя, моя родная,
в снегу, бетоне и стекле —
а все-таки такая земляная,
как и положено родной земле.
Все, что в тебя вминали сапогами,
что грейдера отвалами скребли,
открылось в нас, нет — больше — стало нами,
живою памятью земли.
Что ждало нас? Бредовая наука,
ночной кошмар, облипший наяву,
полупустых аудиторий скука,
профессора со стажем ГПУ.
По вечерам неряшливость прилавка,
свет неживой струится со стены,
в мясном отделе часовая давка —
глаза опущены и скулы сведены.
А слева за окрашенной решеткой
в нетопленом отсеке угловом
теснятся мужики за водкой
и прячут шкалики за рукавом.
Где родина, где купола златые,
концерты, выставки, разъездов кутерьма?
Продмага три ступеньки ледяные,
над входом лампочка, на улице зима.
Так как же эта черная громада —
оранжевые окна в вышине —
удерживается от распада,
глядит хоккей из Ленинграда,
когда гореть пристало ей в огне.
. . . . . .
Но если кровь течет не как руда —
твердея, каменея, пламенея,
перегнаны сквозь сердце вместе с нею,
встают в былом величье города.
Тогда над деревцами, колеями,
бетонными коробками жилья
восходят храмы, блещут куполами,
безгласыми гудят колоколами,
и это — память, это кровь моя!

1979 г.

***

Ах, как весело ходят выродки,
как уверенны и умны —
пишут письма, приводят выкладки,
все им видно со стороны.

Только мертвые смотрят прямо —
штабелями, к скелету скелет —
горбунов прирожденных яма
выпрямляла десятки лет.
Правоведы, пророки свободы,
вдохновенных безумцев синклит —
на груди материнской породы
каждый с почвой воистину слит.
Под землей, повторяя размер
красной карты СССР,
черноземная толща жирна —
распростерта родная страна.
В терпеливом молчаньи своем
думать выучился чернозем,
но за годы над ним наросли
два вершка бестолковой земли.
Продираются корни насквозь —
вниз, где тело страны разлеглось,
вниз, где соки сохранены
беспримерной богатой страны.
По древесным артериям — ввысь,
где вершины, шумя, раздались,
где наплывы листвы вековой
над снесенной, сожженной Москвой.
Это музыка чернозема,
слабый, ширящийся размах —
не тревожьтесь, услышат дома
накопившееся впотьмах.
Это солью и болью знакомой
распирает аорты раструб —
не тревожьтесь, услышат дома
шелестенье истлевших губ.
С этим шумом не будет слада,
этим листьям века шуметь.
Тут особого слуха не надо,
надо только сердце иметь,
чтобы билось в горячем теле
в лад с землею и с кровью в лад.
Ищут выродки в ЦДЛе
сердце — там не зарытый клад.
Ищут делатели халтуры,
прославители грязных дел.
С кем вы, деятели культуры,
инородцы из ЦДЛ?

1977 г.

СИЛА ЗЕМЛИ

А сосны опускались из глубин
холодного, надоблачного мира,
из волокнистых кубов синевы,
над кронами их смерзшейся в кристаллы.
А мы лежали глубоко внизу,
на мох вонючий положив пилотки.
Нас привели с учений на обед
за полчаса до срока. Так нас гнали,
что даже капитан развеселился
и раза два кричал нам: «Вспышка справа», —
и мы в песок валились, животами
прикрыв от мнимой бомбы автомат.
Раз я упал и встать уже не мог.
Остановилось время. Капитан
с рукою поднятой, рта не закрывши, замер.
И так стоял он в мареве сосновом,
и сам он стал зеленый, как сосна.
А я лежал, лицом в песок уткнувшись,
и теплые фонтанчики песка
из-под ноздрей вздымались. Муравьи
цепочкою ползли через дорогу;
рябила тень высоких лап сосновых,
и в облаках стояла тишина.
Лишь сердце в теле бешено стучало.
Когда мы к кухне пришагали, роту,
конечно, не пустили. Отвели
в загон какой-то около забора,
где десять сосен создавали тень.
Команда: «Разойдись!» Мы повалились
на жесткий мох, воняющий мочой.
Я запрокинул голову, невольно
мой взгляд пошел по медному стволу,
уперся в крону, что врастала в небо,
вмерзала в кубы жаркой синевы.
И как-то я почувствовал спиною,
как тянут соки жилистые корни
не глубоко, тут рядом, подо мной,
под взмокнувшей от пота гимнастеркой,
под сбитыми ступнями без сапог.
Я прислонился головой к стволу
и ощутил, как под сосновой кожей
струится кровь, смолистая, живая,
питающая хвойную верхушку
и солнечную синеву над ней.

Я ощутил, что становлюсь корою,
спина к земле как будто приросла,
и кровь моя мешается с сосновой,
и по стволу, по тайным цепким жилам,
стремительно восходит к синеве.
Так вот оно, могучее движенье,
тот первозданный творческий покой!
И на себя я с высоты глядел —
там тело опустевшее лежало
на жестком мху, на прошлогодней хвое,
меня наполнив силою земли.

1976 г.

СКАЗАНИЕ О КОЛОВРАТЕ

По утверждению историков,
Коловрата не существовало.

Серебряной стала твоя голова,
не пора ли тебе назад?
Татарские кони не год и не два
на этой земле стоят.
Не третий год, не десятый год,
столько стоят на ней,
что, пузо похлопав, татарин зовет
землю твою — своей.
Давным-давно неврастеник Ингварь
оплакал родные тела.
В церкви великой черная гарь
от стольких дождей сошла.
Жители новенькой крепостцы
сказать бы тебе не смогли,
где удальцы, где резвецы
рязанские полегли.
Столько было удач и бед —
работа, кровь, маята.
Только вороны с выслугой лет
помнят про те места.
В каком же ты пропадал краю,
за чей ты садился стол?
А летописец в повесть свою
с горя тебя приплел.
Должен же кто-то, выхватив меч,
доспехом дивно звеня,
мурзу настичь, до седла рассечь
и сбросить его с коня.
Хватаясь за сердце, писал чернец,
криком сводило рот…
И он изверился наконец,
что Коловрат придет.
Вот на границе круглой земли
выросло войско в теплой пыли.
Перед конями простор луговой,
черные вороны над головой.
Луг загудел от тяжелых подков -
рвется к Рязани отряд стариков.
И, соразмерив конский наскок,
дохпехом дивно звеня,
Евпатий мурзу до седла рассек
и сбросил его с коня.
Чудною властью властны слова,
кремня слова прочней.
Эту землю не раз и не два
считали враги своей.
Но снова и снова от дальних могил,
с неведомых берегов
отряд Коловрата домой спешил
мечами посечь врагов.
Земля моя мне навек дана
в память родных имен.
А земля врага - это та страна,
в которой истлеет он. ■

1977 г.